
Елизавета Смирнова
«Перевал-17»

Елизавета Смирнова

«Перевал-17»

«Автор»
2026

Смирнова Е.

«Перевал-17» / Е. Смирнова — «Автор», 2026

Пятеро студентов приезжает на «Перевал-17», чтобы зафиксировать аномалии. Компас врёт, цифры прыгают, а время сжимается до нескольких минут. Место ждёт их не приборами, а тишиной. Виталик кричит там, где нельзя смеяться. Света учится плакать там, где нельзя ошибаться. А Игорю предлагают сделку: признаться один раз — тихо, здесь, — и снова быть тем, кого все любят. Это роман о месте, которое вытаскивает наружу то, что ты прячешь глубже всего.

© Смирнова Е., 2026
© Автор, 2026

Елизавета Смирнова
«Перевал-17»

Глава 1. «Валун и тень»

Декан Фомин швырнул на стол распечатку так, будто хотел её пригвоздить. Бумага поехала по лакированной столешнице и замерла у края — как уставший бегун, которому хватило.

— Это что? — рявкнул Фомин. — Это издевательство?

Доцент Гладышев поморщился. Он терпеть не мог, когда Фомин начинал с крика. Но сегодня даже он был готов признать: график выглядел как шутка плохого программиста. Линии тоннелей накладывались друг на друга, будто карта сошла с ума.

— Это модель, — спокойно сказал Гладышев. — Та самая, на которую мы потратили два года. Она честно склеила семь экспедиций в одну картинку. И честно показала, что картинка — вредная.

В этот момент дверь тихо приоткрылась, и в кабинет вошёл Севостьянов. В руках он держал потрёпанный блокнот в кожаной обложке — такой, в который записывают не лекции, а приметы, чтобы не забыть.

— Место не любит, когда его пытаются уложить в одну картинку, — сказал он, будто договаривая за Гладышевым. — Оно всегда даёт трещину. С сорок третьего года.

Фомин закатил глаза.

— Опять про «Перевал-17»? Профессор, мы не в кино.

Севостьянов усмехнулся — криво, без веселья.

— В кино герой убегает от катящегося валуна. У нас валун уже лежит. И на нём семнадцать имён. И он никуда не катится. Он просто ждёт.

Марьяна Сергеевна подняла голову от папки.

— Ты хочешь сказать, что мы должны туда поехать?

— Я хочу сказать, что туда должны поехать те, кто не побежит от валуна, — ответил Севостьянов. — Кто поймёт, что это не ловушка, а предупреждение.

— И кто эти люди? — сухо спросил Фомин.

— Студенты, — просто сказал Севостьянов. — Те, у кого в рюкзаке не просто приборы, а привычка смотреть на них и спрашивать: «А почему ты сейчас врёшь?» Те, кто, когда компас начнёт крутиться как сумасшедший, не скажет «ой, сломался», а скажет: «так, значит, тут что-то не так».

Гладышев хмыкнул.

— То есть нам нужны те, кто умеет видеть, когда мир сходит с рельсов.

— Именно, — кивнул Севостьянов. — Потому что «Перевал» — это место, где рельсы действительно сходят. Там магнитное поле ведёт себя так, будто кто-то выкрутил ручку настройки. Там координаты плывут. Там рулетка даёт разные цифры на одном и том же отрезке. Там исчезают люди. Не в смысле «ушли и не вернулись», а в смысле «были здесь — и вдруг не здесь».

В кабинете стало тихо. Даже кондиционер перестал гудеть, будто прислушивался.

— Значит, практика, — подытожил Фомин, уже спокойнее. — Обычная полевая практика. Только с поправкой на то, что там всё не обычное.

— Обычная, — согласился Севостьянов. — Только пусть те, кто поедет, знают: если что-то покажется странным — это не глюк. Это место говорит с ними. И лучше слушать внимательно.

Фомин открыл планшет и начал листать списки.

Дальше шли быстро, как будто боялись, что если задержаться, список сам себя отменит.

— Кандалов Степан. Магниторазведка. Практика на руднике. Отзывы: «надёжный, но резкий».

— Резкий — это хорошо, — пробормотал Севостьянов. — Резкие быстрее замечают, когда что-то идёт не так.

— Левина Светлана. Картография. Топ-студентка.

— Слишком идеальная, — покачал головой Севостьянов.

— Зато знает, где север, — возразил Гладышев.

— Север там, где не знает даже сам север, — хмыкнул Севостьянов, но кивнул. — Пусть едет.

Барсуков Виталий. Гидрогеология. Полевые выезды. «Эмоциональный, но надёжный».

— Эмоциональный — это как? — спросила Марьяна Сергеевна.

— Это когда плачет в поле, но не уходит, — ответил Гладышев. — Мне такие нравятся.

— Горелов Игорь. Магистратура. Лидер. Спокойный.

— Спокойный — это важно, — тихо сказал Севостьянов. — Когда всё начнёт сыпаться, спокойный будет тем, кто скажет: «стоп, давайте подумаем».

— Белкина Марина. Аналитическая геология. Курсовая по автоматизированной обработке полевых данных. Публикации. И — самое главное — она первая, кто честно пишет в отчёте, что ошиблась.

— То есть она сама ловит себя на ошибках, — уточнил Севостьянов.

— Да. В лабораторной работе, где она завалила расчёт по собственной методике, она первой написала об этом в отчёте. Ни у кого из перечисленных нет такого показателя.

— Это важно, — тихо сказал Севостьянов. — В «Перевале» самое опасное — не ошибка. Самое опасное — не заметить, что ошибся.

Фомин закрыл планшет.

— Итого: пятеро. Задача — проверить модель. Сверить с реальностью. Если реальность не совпадёт — зафиксировать расхождение.

— А если реальность окажется хуже? — спросила Марьяна Сергеевна.

Фомин помолчал. Потом посмотрел на Севостьянова.

— Тогда пусть они хотя бы знают, что их предупредили.

Севостьянов достал из кармана ключ — старый, тяжёлый, с зубцами, которые выглядели так, будто ими можно было открыть не дверь, а целую эпоху.

— Держи, — он протянул ключ Фомину. — Это от сейфа в старом корпусе. Там лежат оригиналы отчётов по «Перевалу-17» за сорок девятый и пятьдесят второй. Пусть студенты их прочитают. Не для зачёта. Для себя. Чтобы понимали, куда идут.

Фомин взял ключ, повертел в пальцах.

— Думаешь, это поможет?

— Думаю, это даст им шанс, — ответил Севостьянов.

Глава 2. «Дорога к Перевалу»

Света сидела на подоконнике в коридоре кафедры, болтала ногой и смотрела, как по стеклу ползёт муха. В руке она держала распечатанные листы отчетов Севостьянова.

— «Объект „Перевал-17“», — прочитала она вслух. — «Полевая практика. Срок: 10 дней. Состав группы: 5 человек». И моё имя тут.

Степан появился из-за угла — как всегда, будто не шёл, а подкрадывался. Остановился, посмотрел на неё, потом на лист.

— Тебя тоже взяли, — констатировал он. Без эмоций. Просто факт.

Света не опустила взгляд, но и не встретила его прямо.

— Взяли, — повторила она. — Потому что я лучший картограф на курсе. Не потому что…

— Да, — спокойно сказал Степан. — Не потому.

Они не стали вытаскивать прошлое на свет. Не стали вспоминать ни его «ты всё усложняешь», ни её «ты меня не слышишь». Сейчас это было как старая царапина: если не трогать — просто линия на коже.

— Ты читал отчёты? — спросила Света, меняя тему.

Степан кивнул и достал из кармана потрёпанную распечатку.

— Читал. Там написано, что в пятьдесят втором пропали двое. Третий вернулся и твердил: «Координаты не держатся». Как будто это заклинание.

— А у меня в отчёте сорок девятого года — про рулетку, — сказала Света. — Два замера подряд — разница тридцать семь сантиметров. Это не погрешность. Это… как будто место меняет правила.

— Значит, едем проверять, — сказал Степан.

— Или проверять, насколько мы готовы к тому, что правила меняются, — тихо добавила Света.

В библиотеке Марина сидела за столом, заваленным папками. Перед ней лежал датчик, блокнот и чашка остывшего чая. Виталик кружил вокруг стола, как щенок, которому не дают игрушку.

— Ну, ну, что там? — теребил он. — Что ты нашла?

— Я нашла, — спокойно сказала Марина, не поднимая глаз, — что все отчёты, начиная с сорок девятого, написаны разными почерками, но заканчиваются почти слово в слово одной фразой: «Данные противоречивы. Требуется повторная съёмка».

— И? — Виталик замер.

— И это значит, что никто ни разу не получил стабильных данных. Никто. Ни в сорок девятом, ни в пятьдесят втором, ни в шестьдесят первом. Место не даёт себя измерить.

Виталик плюхнулся на стул напротив.

— То есть мы едем туда, где компас врёт, рулетка врёт, и даже бумага врёт?

Марина наконец подняла глаза.

— Мы едем туда, чтобы зафиксировать, как именно они врут. Это и будет результат.

— А если они врут так, что мы вообще ничего не поймём?

— Тогда мы зафиксируем и это, — твёрдо сказала Марина. — «Невозможность интерпретации данных». Тоже результат.

Виталик хмыкнул, потом наклонился ближе.

Игорь сидел в пустом лекционном зале и изучал распечатку модели. Рядом с ним лежал блокнот Севостьянова — потрёпанный, с пометками на полях.

— Что думаешь? — спросил Степан, входя и садясь на соседний ряд.

Игорь не спешил отвечать. Он провёл пальцем по линии тоннеля, которая на схеме делала невозможный поворот.

— Думаю, что ИИ склеил архивы, потому что его об этом попросили. Он не знает, что некоторые данные нельзя склеивать. Для него нет «невозможного». Есть только «недостаточно данных».

— То есть он не виноват, — сказал Степан.

— Он не виноват, — согласился Игорь. — Но и не прав. Он выдал нам карту, по которой нельзя ходить.

— А мы пойдём.

— Пойдём, — кивнул Игорь. — Но не по его карте. По своим глазам. По своим рукам. По тому, что почувствуем.

Степан помолчал.

— Света тоже едет.

Игорь поднял глаза.

— Знаю.

— Думаешь, это проблема?

— Думаю, это риск, — спокойно ответил Игорь. — Риск, что старые обиды всплывут там, где нельзя отвлекаться. Но она лучший картограф. И она знает, как держать себя в руках.

Степан хмыкнул.

— Раньше она не всегда знала.

— Раньше было раньше, — сказал Игорь. — Сейчас — практика. И мы все должны быть профессионалами. Даже если внутри что-то шевелится.

Сбор был назначен у главного входа. Рюкзаки стояли в ряд, тяжёлые, набитые до отказа. Кто-то положил лишний свитер, кто-то — три пачки печенья «на всякий случай». Виталик, как и обещал, приклеил на свой рюкзак жёлтый смайлик с безумными глазами.

— Для удачи, — буркнул он, заметив взгляд Светы.

— Для безумия, — фыркнула она, но без злости — скорее, чтобы сбросить напряжение.

Автобус подъехал с рёвом, будто пытался напугать всех заранее. Водитель, мужик с лицом, изрезанным морщинами, как карта старых дорог, крикнул:

— Кто в «Перевал-17»? Залезайте! Только быстро!

Они залезли. Рюкзаки заняли полсалона. Компас Светы продолжал дёргаться, как пойманная рыба.

В автобусе разговор пошёл не про аномалии, а про самое обычное — про еду, про сон, про то, кто что забыл положить. Но рано или поздно всё равно вернулось к главному.

— Вот смотри, — сказал Виталик, тыча пальцем в распечатку модели, — тут ИИ нарисовал коридор, которого не может быть. Он пересекает скалу.

— Потому что ИИ не знает, что такое «не может быть», — спокойно сказала Марина.

— Но он же умный! — возразил Виталик.

— Он быстрый, — поправила Марина. — Он быстро соединяет точки. Но не всегда понимает, что между ними — стена.

— Или валун, — тихо добавила Света.

Степан, сидевший рядом, чуть повернул голову.

— Знаешь, что самое странное в этих отчётах? — спросил он. — Там никто не пишет «мы испугались». Все пишут «данные противоречивы». Как будто страх — это что-то, что нельзя фиксировать.

— А надо, — вдруг сказал Игорь. — Надо фиксировать и страх. Потому что он тоже меняет восприятие. Если ты боишься — ты видишь не то же самое, что спокойный.

— То есть ты предлагаешь писать в отчёте: «Я испугался, когда стрелка пошла кругами»? — хмыкнул Виталик.

— Именно, — кивнул Игорь. — Это тоже данные. О тебе. А значит, и о месте.

Света посмотрела в окно. Деревья становились гуще, небо — ниже.

— Знаете, — сказала она тихо, — я раньше думала, что экспедиция — это про открытия. А теперь мне кажется, что это про честность. Про то, чтобы сказать: «Я не понимаю, что происходит».

Никто не ответил. Но все кивнули. Кто-то незаметно, кто-то вслух.

Дорога тянулась, будто не хотела их отпускать. Асфальт сменился грунтовкой, потом и вовсе узкой лентой между деревьями. Автобус подпрыгивал на кочках, и каждый раз Виталик вздрагивал, будто ждал, что сейчас всё рассыплется.

— Да тут подвеска умерла ещё при Хрущёве! — крикнул он, перекрывая грохот.

Степан только хмыкнул и поправил рюкзак, который занимал половину прохода.

— Подвеска тут ни при чём. Тут дорога злится. Чувствуешь? Как будто мы ей не нравимся.

Света смотрела в окно, и ей казалось, что лес не просто стоит — он наблюдает. Ветви будто специально наклонялись, чтобы заслонить просвет, а тени становились длиннее, хотя солнце ещё не садилось.

— Он вообще не знает, где север, — пробормотала она, глядя на компас. — Он знает только, что ему плохо.

Марина достала блокнот и быстро черкнула строчку. Потом подняла глаза.

— Записываю: «Компас теряет ориентацию за 17 километров до точки. Амплитуда колебаний растёт по мере приближения».

— Ты серьёзно? — Виталик покосился на неё. — Мы ещё даже не вышли, а ты уже пишешь отчёт.

— Я пишу не отчёт, — спокойно сказала Марина. — Я пишу, чтобы не забыть, как мы себя чувствовали, когда всё было нормально. Потому что потом нормально уже не будет.

Автобус вдруг дёрнулся, будто споткнулся о невидимый порог, и резко сбросил скорость. Водитель высунулся из кабины, лицо у него было такое, будто он сам не верит в то, что сейчас скажет.

— Дальше пешком! — рявкнул он. — Тут даже этот монстр не пройдёт. Да и не надо ему туда. Пусть лучше тут посидит, постоит, подумает о своём поведении.

Ребята вывалились на обочину, и сразу стало тише — только ветер гудел в проводах, да где-то далеко кричала птица, будто предупреждала: «Не ходите».

Рюкзак Виталика оказался тяжелее, чем он думал. Он сделал два шага, крякнул и остановился.

— Кто положил в мой рюкзак кирпичи?

— Никто, — хмыкнул Степан. — Это место их само туда кладёт.

Они шли по тропинке, которая то появлялась, то исчезала, будто кто-то нарочно стирал её следы. Деревья становились гуще, свет — тусклее. Даже воздух казался плотнее, будто его можно было потрогать.

И тут Виталик вдруг замер, уставившись на навигатор в телефоне.

— Ребята… — тихо сказал он. — У меня тут написано, что мы выехали из Москвы пять минут назад, по времени в телефоне прошло… пять минут.

Все обернулись к нему.

— Что значит — пять, почти сутки ехали? — переспросила Света.

— А значит, что время тут тоже врёт, — спокойно сказал Игорь. — Или дорога. Или мы.

Марина посмотрела на свой датчик — цифры на экране бежали, как сумасшедшие, и вдруг замерли на одной странной комбинации.

— У нас не просто аномалия, — сказала она. — У нас разрыв. Пространство здесь не такое, как везде. Оно… сжимается.

— Сжимается? — нервно хохотнул Виталик. — То есть мы за пять минут доехали туда, куда ехать сутки?

— Не мы, — тихо ответил Игорь. — Нас путает это место.

Тропа вывела их на небольшую поляну. И там, посреди неё, лежал валун. Огромный, серый, будто выросший из самой земли, а не упавший с неба. На его поверхности были выбиты буквы — неровные, будто резали в спешке. Семнадцать имён. И дата: «12.11.1943».

Группа остановилась. Даже ветер будто обходил валун стороной — вокруг него воздух был неподвижен, как стекло.

Степан подошёл ближе, протянул руку, но не коснулся.

— Тут холод, — сказал он. — Не от камня. От того, что под ним.

Света подняла голову и посмотрела на Игоря.

— Это и есть граница? — спросила она.

Игорь кивнул.

— Граница между тем, что мы знаем, и тем, что знает это место.

Марина подошла и встала рядом с валуном. Она не смотрела на имена. Она смотрела на землю у его основания — туда, где трава росла не вверх, а вбок, будто тянулась прочь от камня.

— Здесь что-то было, — прошептала она. — Что-то большое. И оно ушло, но оставило след.

Виталик, стоявший чуть позади, вдруг сказал:

— Знаете, я думал, мы едем на практику. А теперь мне кажется, что мы идём на свидание с чем-то, что не любит знакомиться.

Степан хмыкнул, но в этот раз без насмешки.

— Тогда будем вежливы, — сказал он. — И быстры.

Палаточный лагерь разбили на небольшой поляне, в полукилометре от валуна. Солнце садилось, и длинные тени ложились на землю, будто заранее прокладывали тропы, по которым никто не должен был идти.

Ребята ставили палатки, разжигали костёр, доставали консервы и чай в термосе. Это была обычная полевая рутина — та самая, которая делает людей командой быстрее любых лекций.

— Завтра подойдём к валуну, — сказал Игорь, проверяя крепления палатки. — Осмотрим вход, снимем первые замеры. Без спешки.

— Надо селать ритуал приветствия, — заявил Виталик, раскладывая спальник.

— Опять шуточки твои? — Марина закатила глаза, но улыбнулась.

— Да. Подойдём к камню, встанем вокруг, взявшись за руки, и скажем: «Мы не хотим спорить. Мы хотим понять». И пусть место решает, помогать нам или нет.

Света стояла у края поляны, смотрела на темнеющий лес и думала о том, что завтра ей придётся стоять рядом со Степаном у этого валуна и делать вид, что прошлое — это просто архив, который можно не открывать.

Степан подошёл, встал рядом. Не слишком близко. И не слишком далеко.

— Завтра будет тяжело, — сказал он.

— Почему? — спросила Света.

— Потому что место не любит, когда его измеряют. Оно любит, когда его чувствуют.

Света кивнула.

— Тогда будем чувствовать. Но и мерить тоже.

На следующее утро они подошли к валуну. Он лежал посреди поляны, огромный, серый и на его боку — семнадцать имён. И дата: «12.11.1943».

Виталик вышел вперёд. Он не стал кланяться, не стал разводить руки. Просто встал перед камнем, посмотрел на выбитые буквы и тихо сказал:

— Мы пришли не спорить. Мы пришли понять. Если можешь — помоги. Если нет — хотя бы не мешай.

Он помолчал, будто ждал ответа. Потом пожал плечами и обернулся к остальным.

— Надо встать всем вместе и говорить. Давайте.

Все промолчали и Виталик перестал настаивать.

Света достала компас. Стрелка крутилась, как сумасшедшая, но вдруг замерла, указывая не на север, а куда-то вниз.

Марина включила датчик. Цифры прыгнули, замерли, снова прыгнули — и выдали значение, которого не должно было быть.

Степан приложил ладонь к валуну. Холод прошёл по руке, как электрический разряд.

— Тут что-то есть, — прошептал он. — Под ним.

Игорь посмотрел на распечатку модели, потом на реальный ландшафт. Линии не совпадали. Совсем.

— Начинаем, — сказал он спокойно. — Фиксируем всё. Даже то, что кажется ерундой. Особенно то, что кажется ерундой.

Они начали. Света делала замеры рулеткой — но каждый раз цифры чуть-чуть отличались, будто камень «дышал». Марина снимала показания датчиков, записывала время, температуру, влажность, магнитное поле — и всё равно не могла свести данные в единую картину. Игорь фотографировал валун с разных ракурсов, стараясь поймать, как свет ложится на выбитые имена, будто хотел прочесть в них не буквы, а историю..

А Степан стоял чуть в стороне и смотрел на камень так, будто пытался понять, почему именно здесь всё ломается — и приборы, и логика, и даже время.

— Знаешь, что самое странное? — тихо сказал он, когда Света подошла поправить рейку. — Эти имена. Их не просто выбили. Их вырезали в спешке. Видишь, какие неровные края? Будто кто-то торопился, пока ещё мог.

Света посмотрела на буквы. И правда — линии были рваными, будто инструмент дрожал в руке.

— Думаешь, они знали, что случится? — спросила она.

— Думаю, они чувствовали, — ответил Степан. — Чувствовали, что время кончается.

Игорь подошёл к ним и протянул распечатку.

— Смотрите. В отчётах сорок девятого года пишут, что вход в тоннель завалили после деверсионного взрыва секретной лаборатории во время войны. И что булыжник специально оставили как памятник — чтобы никто не пытался его разбирать.

— То есть это не просто завал, — тихо сказала Света. — Это запрет.

— Или предупреждение, — поправил Игорь. — «Не лезьте туда. Там уже случилось самое страшное».

Они снова посмотрели на валун. На имена. На дату.

И в этот момент даже Виталик перестал шутить.

К полудню группа собрала столько данных, что они не складывались ни в одну привычную схему. Компас врал. Датчики показывали невозможное. Время будто растягивалось: когда Света посмотрела на часы, оказалось, что с момента их прихода прошло восемь часов — а ей казалось, что всего двадцать минут.

— Надо остановиться, — сказал Игорь. — Мы собираем данные, но не понимаем, что они значат.

— Может, мы и не должны их понимать, — тихо сказала Марина. — Может, наша задача — просто зафиксировать, что тут всё ломается.

— И что тут помнят, — добавила Света, глядя на имена.

Степан кивнул.

— Пусть это будет не отчёт о бункере. Пусть это будет отчёт о том, как место хранит память.

Они собрали оборудование, аккуратно уложили приборы в чехлы — будто боялись, что камень обидится, если с ним будут обращаться небрежно.

Когда они уходили, Виталик обернулся и тихо сказал валуну:

— Спасибо, что не прогнал. Мы ещё совершим ритуал приветствия. Но не сегодня.

И никто не стал смеяться.

Солнце уже клонилось к закату, и тени от валуна легли поперёк поляны, будто чертили невидимую черту: дальше — не ступать. Группа сворачивала лагерь, укладывала приборы, проверяла застёжки на чехлах. Все двигались молча, без привычной суеты — будто место требовало тишины.

Виталик бубнил себе под нос какую-то считалку, Марина сверяла записи, Игорь перекладывал снимки, чтобы не помялись. А Света стояла у края поляны и смотрела на валун так, будто пыталась запомнить каждую неровность, каждую выбоину в камне.

Степан подошёл и встал рядом. Не вплотную, но и не издалека — на том расстоянии, которое между ними успело стать привычным за эти два дня.

— Ты всё ещё думаешь про эти имена? — тихо спросил он.

Света кивнула, не отводя взгляда.

— Я думаю про того, кто их выбивал. Про то, как у него дрожали руки. Как он торопился. Будто знал: если не успеет — никто не узнает, что они были.

Степан помолчал, потом сказал:

— Может, он просто боялся темноты. Тут быстро темнеет. И лес шумит так, будто кто-то зовёт.

— Не это, — покачала головой Света. — Тут другое. Тут будто время сжимается. Как сегодня: мы стояли у камня, снимали показания, а когда я на часы посмотрела — оказалось, что прошло восемь часов, а мне казалось — двадцать минут. И вот этот человек, который резал буквы… он чувствовал, что времени почти не осталось. Что оно уходит быстрее, чем он успевает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.